

Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 21–43.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание*

В.Г. Дацышен

Аннотация. Работа посвящена проблемам изученности и представления в современной исторической литературе японской военной интервенции на Дальнем Востоке и Сибири во время Гражданской войны в России. В статье рассматривается взаимосвязь развития историографии русско-японских отношений с общественными представлениями и целенаправленной пропагандой элит и властей. В силу особенностей геополитического положения России все проблемы международных отношений на Дальнем Востоке рассматривались через проблему территориальной целостности страны. В годы Гражданской войны большевики успешно использовали антияпонские фобии для борьбы с политическими противниками. Сформированные в условиях Гражданской войны и последующих событий советско-японского противостояния политико-пропагандистские установки в 1930-е годы были перенесены в работы по истории японской военной интервенции. На протяжении советского периода историки не столько изучали события и проблемы, сколько занимались интерпретацией официальных заявлений и позиций партийного и советского руководства. Данная тенденция в основном сохранилась и в постсоветской исторической науке. В статье подробно рассмотрены работы российских историков и японоведов за последние три года, отмечен ряд интересных исследований, например японоведа К.О. Саркисова, историков А.Г. Теплякова, Ф.А. Попова и др. В целом же, в силу отсутствия общественного запроса и труднодоступности документов, российские историки не берутся за эту тему, даже при наличии такого повода, как столетний юбилей событий. Степень изученности истории японской военной интервенции в России остаётся на уровне, достигнутом ещё в 1930-х годах. Такая ситуация является отражением как проблем российской исторической науки, так и сложившейся ситуации в российско-японских отношениях.

Ключевые слова: японская военная интервенция, Сибирь и Дальний Восток, историография советско-японских отношений, проблемы современной исторической науки.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); Сибирский федеральный университет (адрес: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79); Красноярский государственный педагогический университет (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00017).

Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge*

V.G. Datsyshen

Abstract. This paper is devoted to the problems of studying and perception of the Japanese military intervention in the Far East and Siberia regions during the Russian Civil War in modern historical literature. The work discusses the relationship of the development of historiography of Russo-Japanese relations with public perceptions and targeted propaganda by political elites and authorities. Due to the peculiarities of Russia's geopolitical position, all the problems of international relations in the Far East region were considered through the lens of the country's territorial integrity. During the Civil War, the Bolsheviks successfully used anti-Japanese phobias to fight political opponents. The political propaganda attitudes formed in the Civil War and subsequent events of the Soviet-Japanese confrontation in the 1930s were transferred to the works on the history of Japanese military intervention. During the Soviet period, rather than studying the events and problems, historians focused on interpreting the official statements and the positions of the party and Soviet leaders. This trend is generally preserved in the post-Soviet historical studies too. The paper details the works of Russian historians and Japanese scholars over the past three years. A number of interesting studies are noted, for example, the works by the Japanese studies scholar K.O. Sarkisov, historians A.G. Teplyakov, F.A. Popov and others. In general, due to the lack of public demand and the inaccessibility of the documents, Russian historians do not tackle the topic even despite there being the occasion of the centenary of the events. The current level of studies of the history of Japanese military intervention in Russia remains at the level reached back in the 1930s. This situation reflects both the problems of Russian historical science and the current situation in Russo-Japanese relations.

Keywords: Japanese military intervention, Siberia and the Far East, historiography of Russo-Japanese relations, modern history problems.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); Siberian Federal University (address: 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041); Krasnoyarsk State Pedagogical University (address: 82, Ady Lebedevoi street, Krasnoyarsk, 660049). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

В основе современных российско-японских отношений лежит многовековой исторический опыт взаимодействия двух стран и народов. Общественные представления об отношениях с Японией в прошлом формируются в основном посредством литературы, в том числе и исторических исследований. Однако само развитие историографии российско/советско-японских отношений жёстко зависит от общественных установок, сформированных как российскими реалиями, так и целенаправленной пропагандой элит и властей. Особенности взаимодействия между исторической наукой и общественно-политическими установками заключается в том, что историки не столько формируют представления на основе научных знаний, сколько подстраивают свои исследования под

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

запросы властей и общества. И это особенно хорошо видно при критическом анализе трудов по истории русско-японских отношений.

Россия является самой большой страной в мире, что определяет особенности русской культуры. Самая большая территория – это и предмет особой гордости, и источник фобий. Действительно, в российском обществе постоянно присутствует идея опасности утраты восточных территорий, захвата их более сильными или многонаселёнными соседними государствами. С начала XX века в качестве потенциального агрессора чаще видели Японию, которая первой из стран Востока успешно провела модернизацию и стала конкурентом России и других стран Запада в борьбе за колониальный раздел Китая. Опасения русского общества были обусловлены слабой освоенностью восточных регионов России, их малонаселённостью в сравнении с соседними странами.

Революционный кризис 1917 г. и начавшаяся в стране гражданская война резко усилили общественные опасения. Такого рода настроения присутствовали в различных общественных слоях, независимо от политических предпочтений и реальных событий. В марте 1918 г. в еженедельнике Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги печатались такие предсказания: «На Востоке назревают события большой важности, и эти грядущие события прежде всего коснутся Сибири. Сибирь является теперь обречённой жертвой. Ратификация мирного договора с Германией развязывает руки нашим восточным соседям, и, конечно, они не замедлят воспользоваться моментом. Над Сибирью висит теперь серьёзная и реальная угроза захвата в той или иной форме вплоть до Урала» [Железнодорожник Кооператор, 1918, 27 марта]. Глава Колчаковского правительства Вологодский в телеграмме генералу Хорвату 8 февраля 1919 г. писал: «Япония не заинтересована в скорейшем восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессилившей страны» [ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 10].

Недоверие к японским интервентам, пришедшим в Россию во время Первой мировой войны, как союзников по блоку Антанты, возникло сразу же даже у сторонников войны с Германией до победного конца. Это недоверие сохранялось на протяжении всего времени нахождения их войск в России, хотя политики и общественные деятели не раз пытались убедить русских в том, что в «прессе, как в зеркале, отражается тот перелом общественного мнения, который произошёл за последнее время» [Восточный Курьер, 1919, 27 августа]. В опубликованном осенью в газетах приказе командующего войсками Приамурского военного округа вновь предписывалось «разъяснить населению об истинных задачах, которые преследует Япония, так как, по-видимому, большая часть населения не имеет о том никакого представления» [Восточный Курьер, 1919, 14(1) октября]. Антисоветские силы опирались на японскую помощь в борьбе с большевиками, но не верили в искренность японских союзников. Подобного рода общественные настроения были хорошей почвой для пропаганды большевиков, позволявшей списывать самые разные проблемы на японских интервентов, использовать опасения русского общества за территориальную целостность для радикальной борьбы с политическими противниками в русском обществе.

В советский период и пропаганда, и историческая наука, находились под жёстким контролем партийно-государственных структур. И уже в 1930-х годах была создана источниковая база под будущие публикации. В 1934 г. был издан сборник документов

«Японская интервенция», где тексты опубликованы без сносок на источники, хотя в подлинности их содержания сомнения нет. Но цель подборки документов – прагматическая, она обусловлена необходимостью формирования общественного мнения в условиях подготовки к возможной войне с Японией. Предисловие начинается со слов: «Японскую военщину лихорадит. Сегодня на публичном митинге, завтра в газете генералы открыто призывают к новой интервенции и войне против Советского союза» [Японская, 1934, с. 3], а в части целей японской интервенции 1918–1922 гг. указывается: «Чтобы удержать в своих руках захваченное во время империалистической войны, японские империалисты решили прибрать к рукам и Дальний Восток. Дальний Восток богат железом, углем, нефтью...» [Японская, 1934, с. 6]. Общественные опасения и пропагандистские лозунги о том, что японские интервенты могли нарушить территориальную целостность России, советской исторической наукой были трансформированы в «исторический факт». В вышедшей в 1939 г. «Истории Японии» Е. Жукова следом за тезисом об «огромном недовольстве широких масс Японии» интервенцией в России заявлено: «Сразу же после Октябрьской революции японский империализм решил, что настал час... приступить к осуществлению давнишнего плана захвата русских дальневосточных земель» [Жуков, 1939, с. 178]. В многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» без ссылок на источники утверждалось: «Япония ставила своей конечной целью захват советского Дальнего Востока, а при благоприятных условиях и всей Сибири» [История, 1960, с. 328].

В первые 50 лет советской истории было опубликовано более 12 тыс. книг и статей по истории гражданской войны и военной интервенции в СССР [Наумов, 1972, с. 4], в большинстве этих работ затрагивались вопросы истории японской интервенции. История японской военной интервенции, как и большинства актуальных вопросов советской истории, находилась в зоне ответственности научных и учебных заведений ЦК КПСС. Например, обобщающая работа «Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР» была подготовлена Главной редакцией учебной литературы ВПШ и АОН при ЦК КПСС. Советский историограф указывает: «В литературе 20-х годов японская интервенция получила однозначную оценку как открытое антисоветское вооружённое вторжение, направленное на территориальные захваты в России. Но, разоблачая преступные действия японских интервентов, советские историки иногда уделяли главное внимание империалистическому соперничеству на Дальнем Востоке» [Наумов, 1972, с. 192]. Рассматривая советскую историографию, которая насчитывает несколько тысяч публикаций, автор не приводит ни одного примера работы, специально посвящённой воссозданию исторической картины японского военного присутствия на российских территориях. В главе, посвящённой историографии периода второй половины 1950-х – начала 1970-х годов, выделен параграф «Изучение истории империалистической интервенции». Но почти половина этого параграфа посвящена «интернационалистам в Советской России», и названа лишь одна работа, в названии которой упоминается японская интервенция – «Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и её разгром (1918–1922) С.С. Григорцевича. При характеристике этой работы советский историограф ограничился лишь следующим: «В монографии С.С. Григорцевича подробно рассматривалась борьба против интервентов на Дальнем Востоке» [Наумов, 1972, с. 395]. Из содержания работы В.П. Наумова вытекает, что японская интервенция никогда не была предметом изучения в советской исторической науке.

Дальнейшее развитие советской историографии не привело к заметным изменениям ни в содержательной, ни в оценочной частях [Якимов, 1979; Крушанов, 1984; Наумов, 1991]. Хотя хотелось бы отметить и такие случаи, когда в обобщающей работе советский историк смог избежать пропагандистских штампов о «коварных замыслах японцев» захватить часть России. В работе сибирского историка Б.М. Шерешевского всё ограничивается следующим утверждением: «Но внутренняя контрреволюция была слишком слаба... она обратилась за помощью к иностранным империалистам, которые в конце 1917 г. по «собственной инициативе» стали разрабатывать планы вмешательства в «русские дела»» [Шерешевский, 1974, с. 12–13].

Несмотря на начавшиеся в 1980-х годах изменения в общественно-политической жизни СССР тезис о том, что «в гражданской войне в России японские ястребы усмотрели удобный случай для выполнения своих захватнических устремлений» [Лившиц, 1991, с. 3], оставался незыблемым до конца существования советской историографии. Не появилось и специальных исторических исследований, позволяющих детально восстановить историческую картину японской военной интервенции в России. Уже в 1989 г. советские японоведы в статье «Размышляя о советско-японских отношениях» отметили, что советские историки-японоведы вместо изучения проблем занимались, в основном, «интерпретацией наших официальных заявлений и позиций» [Катасонова, 2015, с. 285].

Советская историческая наука не могла выйти за рамки политико-пропагандистских установок времен Гражданской войны по той причине, что борьба с японской интервенцией была важнейшей составляющей борьбы с политическими противниками, по итогам которой и был создан Советский Союз. Ведущий российский японовед Д.В. Стрельцов указывает: «...Что же касается японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг., она всё же была эпизодом Гражданской войны, в результате которой окончательно сформировалось советское государство, поэтому нередко становилась объектом пропагандистской мифологии, целью которой было скорее героизировать Красную армию и партизанское движение, установивших Советскую власть, нежели подогреть ненависть к японским оккупантам» [Стрельцов, 2019, с. 60].

В постсоветский период российская историческая наука в силу комплекса причин по большей части сохранила инертность, продолжая обходиться узкой источниковой базой и развиваться в рамках старых идеологических и политико-пропагандистских штампов. И это в первую очередь касалось проблем военных конфликтов и международных отношений в XX веке, в том числе – японской военной интервенции на Дальнем Востоке России. Такая ситуация стала серьёзным тормозом как собственно для развития отечественной исторической науки, так и для общественно-политического развития страны. Принципиально не смогли изменить ситуацию и труды дальневосточных историков, подготовивших новые сборники документов [Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России, 1997], и основательные обобщающие работы [Дальний Восток России, 2003]. Один из современных российских историков так оценил сложившуюся в отечественной исторической науке ситуацию: «Многие работы о дальневосточном театре Гражданской войны отличаются исключительно обличением «японского милитаризма», что, конечно, мало способствует пониманию исторических процессов, происходивших на дальневосточной окраине России в то время. Актуализация советских пропагандистских штампов, очевидно, не может способствовать как развитию самостоятельной российской

школы изучения Гражданской войны, так и полноценному диалогу научных сообществ двух стран» [Попов, 2019, с. 22].

Почти три десятилетия российская историческая наука развивается в новых общественно-политических условиях. Однако современная историография японской военной интервенции в своей основе остается на «советских рельсах». И это не случайно, так как специальные исследования по современной историографии советско-японских отношений показывают, что за первые четверть века постсоветского развития российской исторической науки у нас не появилось значимых или заметных исследований по истории японской военной интервенции в России [Катасонова, 2015, с. 285–303]. За это время в России не было защищено ни одной диссертации по данной теме [Тимонина, 2015, с. 364–385].

Конечно, же, ведущие российские японоведы не могли совершенно игнорировать эту тему. Проблемы японской интервенции поднимались в трудах В.Э. Молодякова, который ввёл в научный оборот новые исторические документы японского происхождения, посмотрел на проблему через соотношение русского евразийства и японофобии чиновничества [Молодяков, 2006, с. 255–315]. Из фундаментальных исследований по истории международных отношений на Дальнем Востоке необходимо отметить труд выдающегося российского китаевода М.В. Крюкова «Весна и осень революционной дипломатии». И хотя работа посвящена проблемам советско-китайских отношений, в ней поднимаются и проблемы японской интервенции, раскрытые на основе новых, впервые вводимых в научный оборот исторических источников [Крюков, 2015].

Однако указанные примеры явились исключением из правил, по-прежнему в большинстве публикаций сохранялась старая риторика, подтверждение своих утверждений ссылками не на документы, а на советскую литературу. Типичные подходы можно увидеть в публикациях А. Кошкина, который пишет, что «японские оккупанты» «использовали своих ставленников из числа укрывшихся на территории Китая... Семенова, Калмыкова, Гамова. С их помощью на оккупированных японскими войсками территориях... реставрировались старые, дореволюционные порядки» [Кошкин, 2009, с. 151]. Этот автор утверждает, что в 1922 г. японское правительство «стало открыто готовить отторжение Приморья» [Кошкин, 2009, с. 151], подтверждая данное заявление ссылкой на изданную в советское время в Новосибирске книгу Б.М. Шерешевского. Таким образом, мы можем согласиться с выводами современных исследователей о том, что: «Современная историческая наука в части изучения иностранной военной интервенции во многом продолжает традиции, когда исследования подменяются текстами агитационно-пропагандистской направленности. Зачастую в научных публикациях, специально посвящённых проблемам истории японской интервенции, авторы ограничиваются набором широко известных фактов и штампов [Гельман, 2017, с. 103–110].

На 2017–2022 гг. приходится столетний юбилей событий Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России. Как это традиционно принято, юбилей вызвал повышенный общественный интерес к событиям, в последние годы в России вышло много новых публикаций, посвящённых Гражданской войне и иностранной военной интервенции. И целью данной работы является рассмотреть степень изученности японской интервенции в современной российской историографии

В основе исторического исследования лежат исторические источники. Современные историки справедливо указывают: «Пересмотр устоявшегося тенденциозного взгляда на

японскую интервенцию может быть осуществлён с опорой на ранее неизвестные источники...» [Попов, 2019, с. 22]. Поэтому сначала мы посмотрим, как представлена данная тема в публикациях исторических источников, вышедших в последние годы.

В 2017 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» вышел трёхтомник «Революция 1917 года глазами современников» [Революция, 2017]. В третьем томе это издания были собраны публикации ведущих изданий революционной России за октябрь 1917 – январь 1918 гг. В их числе есть материалы, отражающие проблемы начала японской военной интервенции. В «Ноте держав» от 10 ноября 1917 г. говорится: «всякое нарушение договора со стороны России повлечёт за собой самые тяжёлые последствия». В числе других «Ноту» подписал «Таканнаки¹, начальник Японской военной миссии» [Революция, 2017, с. 368].

В начале декабря 1917 г. петроградская кадетская газета «Наш Век» опубликовала сообщение из Владивостока, в котором говорилось: «По поводу слухов о высадке японцами десанта во Владивостоке наш сотрудник сообщает следующее: такие слухи являются не впервые» [Революция, 2017, с. 525]. По поводу причин появления слухов очевидец назвал слабость России: «Если окажется очевидным попираение чужих прав, настраивать мирного жителя Владивостока или Восточной Сибири на тревожное ожидание попираения его прав как хозяина территории» [Революция, 2017, с. 526]. В статье делалось предположение, что одной из причин появления «тревожных слухов» было «Желание путём провоцирования или прозондировать почву действительного положения японцев в отношении Владивостока и Восточной Сибири, или оказать распространением таких тревожных слухов давление на борющиеся у нас политические партии. Сейчас можно утверждать, что японцы против нас не проявляют никакого озлобления» [Революция, 2017, с. 526]. Таким образом, опубликованные в данном сборнике материалы дают более сложную картину событий, чем традиционно представляли её отечественные историки. Однако данная публикация не может оказать большого влияния на развитие науки, так как газетные материалы и прежде были доступны широкому кругу исследователей, а их информативность и степень объективности сильно ограничены.

Среди значимых публикаций источников необходимо отметить изданный в 2018 г. сборник документов и материалов «Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг.» [Чешско-Словацкий, 2018]. В сборник включены документы из российских (в основном, Российского государственного военного архива – РГВА) и чешского военно-исторического архива, в которых отражены самые разные проблемы иностранной военной интервенции. В сборник вошло 544 документа, и в большинстве из них так или иначе отражаются вопросы, связанные с японской военной интервенцией в России. В качестве примера можно привести такие документы: «Сводка Военного контроля РККА с 1 по 15 июня 1918 г. о попытках Англии и Франции вовлечь Японию в состав международных военных контингентов в Сибири и на Дальнем Востоке и наличии разветвлённой германской шпионской сети на территории Советской России» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 297–298]; «Оперативная сводка штаба Восточно-Сибирской советской армии о местах дислокации остатков армии Каппеля и частей атамана Семёнова, а также сведения о деятельности японцев в Сибири» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 813]; «Декларация правительства Японии об

¹ Правильно: Такаянаги Ясутаро (1870–1951).

уходе императорских войск с территории России (Сибирь и Дальний Восток) после полной эвакуации чехословацких частей» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 843] и др.

В России продолжается начатая несколько десятилетий назад публикация дневников и мемуаров представителей белого движения, тех, кто опирался в своей борьбе на помощь японцев. В 2018 г. в Москве вышли мемуары бывшего командующего Восточным фронтом армии адмирала А.В. Колчака генерала К.В. Сахарова [Сахаров, 2018]. Воспоминания одного из русских антисоветских лидеров не только отражают субъективную положительную оценку японской военной интервенции, но и детализируют события, опровергая некоторые шаблоны. Например, в воспоминаниях К.В. Сахарова представлена следующая позиция японцев во время переворота в Иркутске: «Узнав об аресте верховного правителя... японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким, ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска» [Сахаров, 2018, с. 244].

В 2018 г. в Тюмени были изданы воспоминания известного сибирского политического деятеля времен Гражданской войны И.К. Окулича [Суринов, 2018]. Здесь представлена критическая оценка японской интервенции: японцы «стремились насадить в Сибири порядки Мексики с её продажными генералами» [Суринов, 2018, с. 74]. В воспоминаниях отмечается: «От профессора Гудкова и от Казачьих организаций Дальнего Востока я получил ряд материалов о том своеволии, грабежах и захвате, которые творят японские военные власти на Дальнем Востоке при полном, невольном, попустительстве Приамурского Правительства...» [Суринов, 2018, с. 99]. Данный документ отражает позицию сибирской демократической общественности, но не может дать заметного вклада в восстановление исторической картины событий японской военной интервенции.

В 2019 г. в Хабаровске в виде каталога выставки были опубликованы фотографии и фрагменты документов, отражающие события Гражданской войны на Дальнем Востоке, в том числе и японской военной интервенции [Хабаровск, 2019]. На одних фотографиях японцы, как представители союзной России державы, стоят рядом с русскими коллегами. На других же – японские артиллеристы обстреливают Хабаровск, солдаты позируют на фоне погибших русских революционных солдат. Вся логика выставки указывает не на традиционную догму о «коварных замыслах», а говорит о беспощадной логике военного вмешательства в события в чужой стране, независимо от «замыслов». Эта логика проходит через весь альбом, от сентиментальных фотографий с русскими детьми и соратниками до разрушенных зданий и трупов тех, кого пришли спасать. Картину дополняют отрывки из документов. Таким образом, составители Каталога выставки «Повседневность Гражданской войны и интервенции», как это и бывает при введении в широкий оборот исторических источников, внесли большой вклад в создание более объективной картины японской военной интервенции в России. Форма подачи материала способствует более быстрому влиянию на общественное сознание, чем, например, академические издания исторических источников.

Таким образом, в современной России продолжается работа по публикации документов, отражающих события столетней давности, в том числе и японскую военную интервенцию. Однако значимых публикаций, способных оказать влияние на развитие историографии вопроса, не появилось.

Несмотря на то, что в постсоветской историографии в целом сохраняется традиция подменять исследование японской интервенции декларированием устойчивых тезисов и штампов или оставлять эту тему за рамками обобщающих исследований, процесс изучения истории японской военной интервенции всё же идёт. Российские историки вводят в научный оборот новые источники, поднимают интересные проблемы, детально изучают некоторые частные вопросы [Конев, 2013, с. 217–225].

Среди популярных сегодня тем – образ японской интервенции в сибирской и дальневосточной прессе. Историк из Омска М.М. Стельмак в статье «Восприятие Японии в общественно-политической прессе Западной Сибири (ноябрь 1918–1919 г.)» представил «анализ интерпретации внешней политики Японии в газетах антибольшевистского движения в Сибири» [Стельмак, 2019, с. 358]. Автор утверждает: «Общественно-политические газеты неоднозначно воспринимали образ Японии, так как не было единого подхода к изображению в прессе этого союзника» [Стельмак, 2019, с. 366]. Автор приходит к выводу: «Материалы приведённых периодических изданий показывают, что общественно-политические деятели Западной Сибири были крайне заинтересованы в наличии такого союзника, как Япония. В связи с этим было необходимо публиковать в прессе материалы, направленные на положительное освещение японской политики» [Стельмак, 2019, с. 369].

Интересной представляется статья московского историка Ф.А. Попова «Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе: политика и повседневность (1920–1922)». На материале двух владивостокских газет «автор реконструирует образ японской интервенции, сформировавшийся в общественном сознании в 1920–1922 гг.» [Попов, 2019, с. 22]. Автор приходит к выводу, что «образ японского интервента по-разному выстраивается в прессе правого (националистического, монархического) и левого (социалистического, либерального) направления. Если левые априори были враждебны Японии из-за её вмешательства в Гражданскую войну, то правые критиковали японцев за недостаточную, по их мнению, вовлечённость в борьбу с большевизмом» [Попов, 2019, с. 22]. Данная работа является шагом вперёд в исследовании истории японской военной интервенции, хотя ограниченный круг источников не позволил увидеть всю сложность и противоречивость исторической картины.

Другой близкой темой является опыт японской информационно-пропагандистской работы во время интервенции. В Новосибирске в 2019 г. издана написанная на основе материалов из фондов региональных сибирских архивов статья «Информационно-пропагандистская и издательская деятельность японских интервентов на востоке России (1918–1922 гг.)» [Посадсков, 2019, с. 245–250]. Интересный исторический сюжет затронут в небольшой статье «Газета «Владивосток-Ниппо»» как исторический источник о Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» [Болтаевский, 2019, с. 111–116].

Интересную проблему, связанную с японской интервенцией, исследовал омский историк Д. Петин, опубликовавший в Петербурге статью «О военных деньгах Сибирской экспедиции Японских войск». Он пишет: «одним из наглядных и очевидных примеров финансово-экономической интервенции является эмиссионная практика японских властей, начатая осенью 1918 г. сразу вслед за появлением Сибирской экспедиции японских войск на русском Дальнем Востоке. Данным термином (в русской транскрипции звучащим, как «Сибэриа сюппэй») называют участие войск Японской империи...» [Петин, 2016, с. 6].

Иркутский историк В.А. Шаламов на основе материалов периодической печати и воспоминаний участников событий исследовал «медицинский аспект» японской интервенции в Забайкалье [Шаламов, 2017, с. 288–296]. Автор показал русско-японское сотрудничество в борьбе с эпидемиями и в подготовке русских медицинских кадров, привёл данные об объёмах медицинской помощи, предоставленной военными медиками русскому гражданскому населению. Иркутский историк делает вывод: «Сам факт активной деятельности медработников интервентов говорит о гибкости их политики, которую можно трактовать как «политику мягкой силы»» [Шаламов, 2017, с. 295].

Среди современных публикаций следует обратить внимание на статью старшего научного сотрудника Института истории СО РАН А.Г. Теплякова, посвящённую проблемам белого террора в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор пишет: «Чрезвычайно сильно мифологизированным был и остаётся эпизод, связанный с расправой японских и белых войск над с. Ивановка в Амурской области» [Тепляков, 2016, с. 179]. Автор подробно описывает ход событий, показывая, что подавляющее число жертв в селе Ивановка были убитыми в ходе боевых действий красными партизанами, и отмечает: «Для современной мифологии характерно отнесение часто упоминаемых 257 жертв за счёт японских оккупантов при игнорировании роли белогвардейцев» [Тепляков, 2016, с. 185]. Автор делает вывод: «Помимо вышеописанных, мифологичны и многие другие эпизоды гражданского противостояния, до сих пор подаваемые односторонне, в соответствии с давней советской традицией. Введение в оборот новых исторических документов позволит восстановить объективную картину Гражданской войны на Дальнем Востоке, отделив реальные эксцессы от надуманных» [Тепляков, 2016, с. 186].

Интересное и глубокое исследование, основанное на новых, впервые вводимых в научный оборот материалах, представил исследователь А. Пастухов. В его статье детально рассмотрены сложные проблемы «Николаевского инцидента», ставшего одним из самых противоречивых и трагических событий японской военной интервенции в России [Пастухов, 2017, с. 37–56]. Интересные аспекты истории японской интервенции нашли отражение в других статьях этого автора, например, парад в честь окончания Первой мировой войны во Владивостоке 15 ноября 1918 г. [Пастухов, 2017, с. 15–32].

Для характеристики современной историографии целесообразно рассмотреть фундаментальную монографию известного историка В.Ж. Цветкова «Белое дело в России», вышедшую вторым, дополненным и исправленным изданием в Москве в 2019 г. История японской интервенции не была предметом исследования, но в работе приводятся интересные факты, указывающие на различные противоречия в отношениях между интервентами и различными антисоветскими лидерами и политическими силами. Автор пишет: «26 сентября главой Междусоюзной Комиссии военных представителей японским генералом Инагаки Розанову был предъявлен ультиматум о выводе в трёхдневный срок из города «разных русских отрядов», прибывших сюда «за последний месяц»... назревший инцидент был жёстко и однозначно разрешен самим Колчаком... (который – В.Д.) категорически запретил вывод войск из города» [Цветков, 2019, с. 13]. Кроме того, в работе говорится о спасении японцами русских, бежавших от большевиков: «Главкомандующий союзными войсками во Владивостоке маршал Оой... не считал возможным противодействовать вступившим в город партизанским отрядам. Части американского воинского контингента открыто поддержали партизан, и японские военные могли лишь содействовать эвакуации

офицерских семей из крепости» [Цветков, 2019, с. 803]. Таким образом, в данной работе даётся более сложная и противоречивая картина событий, чем в большинстве публикаций, а автор избегает пропагандистских штампов.

В последние годы проблемами истории японской военной интервенции занимались ведущие отечественные японоведы. И это не случайно, так как для расширения источниковой базы исследований следует привлечь документы японского происхождения. Начиная с 2017 г. серию своих работ представил читателям ведущий научный сотрудник Института востоковедения К.О. Саркисов. Несколько статей на эту тему, выполненных на основе японских документов, были опубликованы в «Японских исследованиях» [Саркисов, 2017, ч. 1, с. 16–32; Саркисов, 2017, ч. 2, с. 3–18]. Публикация начинается со слов: «Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двухсторонних отношений, но и внешней политики самой Японии» [Саркисов, 2017, ч. 1, с. 16]. Но в работе показаны не «коварные замыслы», а сложный и запутанный клубок проблем и противоречий. В 2019 г. в Институте востоковедения РАН вышла монография К.О. Саркисова «Япония и Советская Россия», вторая глава которой называется «Сибирская интервенция» [Саркисов, 2019, с. 83–166]. С первых строк этого параграфа автор старается дать подробную картину японской интервенции. Например, он указывает, что в январе 1918 г. во Владивосток с войсками пришло четыре японских судна, а глава правительства Тэраути заявил в парламенте о невмешательстве в дела в России и о том, что японцы и не планировали высадки десанта во Владивостоке [Саркисов, 2019, с. 83–84]. Российский японовед, опираясь на документы, показывает, что Япония в 1918 г. действительно готовилась противостоять захвату Германией России как в случае наступления германской армии на Петроград, так и исходя из опасности возможных действий десятков тысяч бывших военнопленных немцев в восточных районах России. Опираясь на японские документы, К.О. Саркисов указывает, что идея ставки на атамана Г.М. Семёнова, изначально была не японской, а европейской [Саркисов, 2019, с. 89]. В работе детально описываются события дипломатической истории, показано, насколько сложным для японской элиты было решение о начале интервенции и как болезненно на это отреагировало японское общество. По вопросу о захватнических планах Японии К.О. Саркисов пишет так: «Помимо проблем военной оккупации... Япония с самого начала столкнулась с неразрешимой задачей формирования в условиях гражданской войны на огромном пространстве единой и эффективной власти... Естественным образом возникали идеи раскола России на какие-то части, где можно было бы добиться консолидации антибольшевистских режимов. Этому искушению традиционно были подвержены японские военные и прежде всего Генштаб сухопутных войск с его знаменитыми «спецорганами», нацеленные на геополитическую экспансию как на нечто само собою разумеющееся... В японском МИД... считали идею раскола России нереальной и поэтому политически рискованной. Содействие консолидации России на свободном от «экстремистов» (большевиков) пространстве казалось реальнее и перспективнее в расчёте на появление сильного и авторитетного национального «игрока»» [Саркисов, 2019, с. 117–118]. Автор показывает, как «наивысший дипломатический представитель Токио» настойчиво боролся с сепаратистскими настроениями антисоветских лидеров и поддерживавших их японских военных. Значительная часть второй и первый параграф третьей глав посвящены воссозданию исторической картины советско-японских переговоров по проблемам интервенции и вывода японских войск из России. В целом, вышедшая в 2019 г. работа

К.О. Саркисова, написанная на основе японских документов, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, вносит большой вклад в изучение проблем японской военной интервенции в России.

Традиционно много внимания вопросам японской военной интервенции уделяют в тех регионах, где сто лет назад и размещались японские войска. В начале XXI в. много внимания проблемам истории японской военной интервенции уделили хабаровские историки [Дальний Восток, 2003; Из истории, 2007]. Вопросы, связанные с японской интервенцией, затрагиваются хабаровскими историками в монографии «Социалисты-революционеры в период Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1922)». История вопроса в этой работе начинается с того, что: «В марте 1918 г. эсеры и меньшевики... установили связи с японским консульством и пытались сдать вице-консулу Ямагучи значительную сумму денег на хранение» [Кузьмин, 2016, с. 73]. В числе последних публикаций можно назвать также статью «Железные дороги Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918–1922)» [Ежеля, 2019, с. 152–158].

В целом же хабаровские историки предпочитают избегать проблем истории японской военной интервенции, а в случае, если это сделать невозможно, они сохраняют старые подходы. В качестве иллюстрации можно привести вводную статью хабаровского историка Ю.Н. Ципкина к каталогу выставки «Хабаровск: повседневность Гражданской войны и интервенции». В статье присутствуют такие положения: «Надуманными причинами иностранного вмешательства явились тезис о «помощи чехословакам», стремящимся выехать на родину... необходимости защиты складов воинских материалов и продовольствия... от большевиков и «германских агентов»» [Хабаровск, 2019, с. 3]. Очевидно, использование слова «надуманные» является данью советской традиции, так как в 1918 г. Антанта продолжала сражаться с Германией, а Советское правительство действительно создавало препятствия чехословацкому корпусу. Да и японская сторона официально в числе первых причин отправки своих войск в Россию называла защиту жизни и имущества японских подданных. Применительно к противоречивым и трагическим событиям весны 1920 г. в Приморье хабаровский историк использует такие слова: «интервенты попытались насадить в Приморье марионеточную администрацию из белогвардейцев» [Хабаровск, 2019, с. 14], не объясняя, кого и почему (кроме К.Т. Лихойдова), он называет «марионетками».

Во Владивостоке вопросами истории японской интервенции занимается главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭНДВ) ДВО РАН Л.И. Галлямова. Публикации этого исследователя, как правило, свободны от устаревших штампов и пропагандистских лозунгов. Среди причин иностранной интервенции автор называет «радикальную политику большевистского правительства», а целями: «добиться дальнейшего участия России в мировой войне» и «не допустить утверждения власти Совета» [Галлямова, 2018, с. 3–15]. Недостатком можно считать почти полное отсутствие новых, ещё не введённых в научный оборот исторических источников.

Владивостокские историки в последние годы уделили особое внимание событиям 4–5 апреля 1920 г. Сотрудники Дальневосточного федерального университета в 2017 г. опубликовали статью «К событиям 4–5 апреля 1920 г. в Приморской области» [Красицкий, 2017, с. 84–89]. Авторы, опираясь на документы Государственного архива Приморского края, показали сложные проблемы, возникшие в русско-японских отношениях на территории Приморья в начале 1920 г. В частности, приводятся примеры взаимного насилия

и провокаций, имевших место в отношениях между бывшими красными партизанами и японскими солдатами. На примере столкновений между русскими и японскими частями в разных районах Приморской области авторы показали полную неготовность бывших красных партизан хоть как-то противостоять японским войскам. В конце статьи представлен следующий итог событий: «Начинался новый этап интервенции, всё больше и больше становившийся похожим на оккупацию. Новый командующий вооруженными силами земской управы генерал-лейтенант Болдырев очень метко назвал договор от 29 апреля 1920 г. «дальневосточным Брестом»» [Красицкий, 2017, с. 88].

Этому же сюжету посвящена статья старшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭНДВ) ДВО РАН Т.З. Позняк «Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта». Автор на основе архивных документов проанализировала «стратегии поведения жителей города в условиях насилия со стороны японских военных и вооружённых боев на городских улицах» [Позняк, 2019, с. 16]. В ряду сделанных по итогам исследования выводов есть и такой: «действия японских интервентов во время нападения на российский гарнизон 4–6 апреля 1920 г. отличали подготовка, попытка представить своё выступление как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное насилие... Действия японских интервентов... представляют собой безумный акт вандализма...» [Позняк, 2019, с. 24].

Среди регионов, где историки отличаются активностью и имеют большой авторитет в местном обществе, выделяется Забайкальский край. В части японской иностранной интервенции, как и событий всей Гражданской войны, забайкальские историки в XXI в. сохраняют советские подходы, оценки и опираются на советские публикации [Очерки, 2009]. В качестве примера можно подробнее остановиться на содержании фундаментального многотомного труда – «Энциклопедии Забайкалья». В одной из статей даётся такая характеристика японской интервенции: «Под видом поддержки белого режима Япония создавала условия для отторжения заб., приамурской и приморской тер. от РСФСР, предполагая создание марионеточного правительства» [Энциклопедия, 2014, с. 600]. Далее читинские авторы пишут, что русские антисоветские силы в Забайкалье были союзниками японских интервентов, тем самым превращая забайкальских казаков и большую часть местного русского населения Забайкалья в коллаборационистов. Читинские авторы утверждают, что в 1920 г. произошло «изгнание японских оккупационных войск», но современники событий такие оценки не использовали только «из-за дипломатических соображений» [Энциклопедия, 2014, с. 601].

Справедливости ради необходимо отметить, что Забайкальские историки, как и большинство представителей отечественной исторической науки, декларируют отход от упрощённых штампов. Например, описание событий Гражданской войны начинается со слов «Братоубийственная Гражданская война – одна из самых трагических страниц отечественной истории» [Нерчинский, 2015, с. 330]. Но далее идут советские штампы: «отряд атамана Г.М. Семёнова, поддерживаемый японскими интервентами, вторгся с территории Маньчжурии в Забайкалье» [Нерчинский, 2015, с. 331]. Позиция современных историков заключается в том, что «хороший» молдавский дворянин С. Лазо, всю мировую войну просидевший в тылу, с военнопленными венграми спасал сибиряков от антинародных замыслов местного казака-фронтовика Г. Семёнова и помогавших ему коварных японцев.

При этом в книгах сами забайкальские историки представляют богатейший фактический материал, не вписывающийся в устаревшие штампы, исследуя, например, биографию выпускника Читинской гимназии 1918 г. М.П. Григорьева [Нерчинский, 2015, с. 333].

Много внимания японской интервенции уделяют историки из другого забайкальского региона – Бурятии. В работе доктора исторических наук В.А. Гельман «Японская интервенция в Забайкалье» приводятся некоторые факты, которые, всё же, без специальных пояснений и детализации не раскрывают историческую картину событий: «В Забайкалье находились две дивизии численностью около 28 тыс. чел. под командованием полковника Отари» [Гельман, 2017, с. 104]; «10 января 1920 г. восстание в Усть-Селенгинском районе привело к победе восставших и изгнанию японцев» [Гельман, 2017, с. 106]. Недостаток исторической информации компенсируется упрощёнными тезисами, без детализации и проблемного поля: «Согласившись принять участие в интервенции в России, Япония стремилась в первую очередь к захвату Сибири, интенсивно скупала большие земельные участки, копи, дома, промышленные предприятия. В целях беспрепятственного захвата Востока России, она поддерживала любые сепаратистские движения... Япония... стремилась к расчленению России» [Гельман, 2017, с. 105].

Нередко набором старых тезисов и штампов ограничиваются в своих трудах молодые историки. Примером тому может послужить статья аспирантки из Бурятии «Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК)». Возраст учёного и название статьи позволяет надеяться на серьёзный вклад в расширение исторической картины японской интервенции. Но аспирантка продолжает советские традиции «списывания на японцев» всех проблем Забайкалья времён Гражданской войны: «Большой ущерб от японской интервенции получила промышленность Забайкалья... Семёновцами из Читы вывезены два кожевенных завода – Акулова и Чернова, механическая фабрика обуви – Мекиладзе... Интервенты, особенно американские и японские, расхищали народное добро» [Минаева, Пребывание, 2017, с. 17]. Приведя данные о разрушениях в Верхнединском уезде, ставших следствием ожесточённых боёв между красными партизанами и японо-семёновскими войсками, молодая исследовательница почему-то сделала вывод о том, что «японская интервенция в Забайкалье... контролировалась правительствами США, Англии, Франции. Главной целью японской интервенции было отторжение части Сибири и Дальнего Востока от России и вхождение этих территорий в состав Японии в качестве «сырьевой» колонии» [Минаева, Пребывание, 2017, с. 18]. Можно сделать вывод, что молодой историк, прикрывшись красивым названием, просто повторила старые штампы. В следующей статье, «Действия японских войск на территории Забайкалья...», тезис о японских захватнических целях сформулирован мягче: «Политические лидеры Японии ставили себе задачу, воспользовавшись сложной внешней и внутренней ситуацией в России, под любыми предлогами включить в свою сферу влияния, а при более благоприятных условиях и осуществить захват Российского Дальнего Востока и Восточной Сибири» [Минаева, Действия, 2017, с. 129], и это утверждение снабжено ссылкой, но не документ, а на «Историю Бурятии». Для раскрытия заявленного в названии статьи вопроса о «действиях японских войск в Забайкалье» автор приводит такую цитату: «перед отходом, когда нагружался пароход, японский солдат ударил одного матроса только потому, что тот по незнанию не пропустил корейца» [Минаева, Действия, 2017, с. 129]. Здесь, вероятно, речь идёт не о действиях японских войск, и не о Забайкалье. В целом, в статьях

молодого автора поднимаются проблемы, связанные с японской военной интервенцией, но не представлено исторической картины действий японских войск в Забайкалье.

Во всех статьях, касающихся японской военной интервенции, включённых в опубликованный в 2017 г. в Улан-Удэ сборник, присутствуют утверждения о том, что целью Японии в 1917–1922 гг. были либо расчленение России, либо присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока к Японии. О том, что целью Японии в России был «раздел территории страны» утверждается и в статье Ю.А. Кубриковой «К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» [Кубрикова, 2017, с. 132–135], правда, опять без ссылок на документы или конкретных примеров. Фактически, авторы вместо восстановления исторической картины на широкой источниковой базе, выявления причинно-следственных связей, в своих публикациях ограничились повторением старых штампов.

Отмеченные особенности содержания работ дальневосточных и забайкальских историков типичны для всей современной российской историографии, где при наличии некоторых исторических исследований преобладают публикации, в которых авторы отсутствие новых документов, критики источника, анализа проблем компенсируют набором старых пропагандистских штампов, обозначая актуальность лишь «актуальным» названием. Например, автор статьи «Военное искусство противоборствующих сторон в годы гражданской войны и военной интервенции в России (1917–1922 гг.)», будучи полковником и кандидатом исторических наук, без каких-либо ссылок на документы пишет: «Руководители Антанты решили силами армий и флотов при помощи белогвардейцев уничтожить Советскую республику и расчленить её территорию» [Паршин, 2019, с. 38]. При этом собственно проблема «военного искусства» японских интервентов, несмотря на название статьи, автором вообще не затрагивается.

Сложившаяся в российской исторической науке ситуация, когда для всестороннего изучения японской военной интервенции не появилось запроса власти и общественности, способствует тому, что серьёзные историки зачастую игнорируют эту тему. Например, в 2018 г. Институт российской истории РАН подготовил и выпустил коллективную монографию «Россия в годы Гражданской войны» [Россия, 2018]. Но в этой коллективной работе, состоящей из 14 статей, тема иностранной военной интервенции не затрагивалась.

Таким образом, в современной российской историографии проблемы японской военной интервенции остаются практически неизученными. Степень изученности вопроса, несмотря на появление ряда интересных работ, в целом остаётся на уровне, достигнутом в 1930-х годах. В силу отсутствия общественного запроса и труднодоступности документов российские историки не берутся за тему, даже при наличии такого повода, как столетний юбилей событий. Такая ситуация является отражением как общего уровня изучения истории России XX века, так и сложившейся ситуации в российско-японских отношениях. В России сохраняется традиция видеть во всех проблемах и конфликтах на востоке лишь угрозу территориальной целостности, игнорируя тем самым сложность и многослойность противоречий, ведущих к конфликтам. Тем не менее, имеющийся в России потенциал японоведческих и военно-исторических исследований позволяет в кратчайшие сроки поднять на качественно новый уровень степень изученности истории японской военной интервенции. А это, в свою очередь, окажет положительное влияние на развитие российско-японского диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болтаевский А.А. Газета «Владивосток-Ниппо» как исторический источник о Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: к 30-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. С. 111–116.

Бурят-Монголия в борьбе за Советы (Сборник воспоминаний и документов). Иркутск: Вост-Сиб. краевое отделение Партиздата, 1933. 219 с.

Восточный Курьер.

Галлямова Л.И. Дальний Восток России накануне Гражданской войны и военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники. Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 3–15.

Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток в преддверии Гражданской войны и иностранной военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории историографии. Т. 7. СПб., 2019. С. 211–229.

Гельман В.А. Японская интервенция в Забайкалье // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 103–110.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Губельман М.И. Борьба за советский Дальний Восток. М.: Воениздат, 1955. 206 с.

Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.

Ежеля У.В., Ципкин Ю.Н. Железные дороги Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918–1922). Статья первая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Вып. 4. Актуальные проблемы психологии человека в цифровом пространстве. С. 152–158.

Железнодорожник-Кооператор.

Жуков Е.М. История Японии. Краткий очерк. М.: Гос. соц-эк. изд-во, 1939. 220 с.

История Гражданской войны в СССР. Т. 5. Конец иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М.: Госполитиздат, 1960. 420 с.

Катасонова Е.Л. Исследования в области истории российско-японских отношений // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 285–303.

Кондратенко Б.Б. Характер японской военной интервенции на Дальнем Востоке, 1918–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники. Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 35–38.

Конев К.А. Образ американской и японской интервенции в периодической печати Сибири и Дальнего востока (август 1918 – апрель 1920 г.) // Актуальные проблемы

исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов третьей Всероссийской молодёжной научной конференции. Новосибирск, 2013. С. 217–225.

Кошкин А. От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 140–155.

Красицкий О.Г., Федирко О.П. К событиям 4–5 апреля 1920 г. в Приморской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 84–89.

Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920). Разгром объединённых вооружённых сил империалистических держав и российской контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке. Кн. 2. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984. 224 с.

Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1: 1917–1922. М.: Памятник исторической мысли, 2015. 615 с.

Кубрикова Ю.А. К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 132–135.

Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М. Социалисты-революционеры в период Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1922). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. 231 с.

Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т. 1991. 120 с.

Маклюков А.В. Сучанские государственные копи в условиях Гражданской войны и интервенции (1918–1922 гг.) // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 119–125.

Минаева В.Ю. Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 14–18.

Минаева В.Ю. Действия японских войск на территории Забайкалья в годы гражданской войны (по материалам периодической печати) // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 128–131.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.

Мышов Н.А. «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчёт белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 73–82.

Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М.: «Мысль», 1972. 472 с.

Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-середины 1980 гг. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 143 с.

Пастухов А.М. Куда ушёл ваш китайчонок Линь? Китайская интервенция в Приморье и Приамурье, 1918–1921 годы // «Арсенал-Коллекция». 2017. № 2. С. 15–32. С. 24.

Пастухов А.М. Канонерки, золото хунхузы: отряд ВМФ Китая в Николаевском инциденте (1920) // «Арсенал-Коллекция». 2017. № 9. С. 37–56.

Петин Д. О военных деньгах Сибирской экспедиции Японских войск // Петербургский Коллекционер. 2016. № 2(94). С. 6–9.

Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918): Документы и материалы. Владивосток: ДВО РАН, 1997. 304 с.

Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 15–26.

Попов Ф.А. Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе: политика и повседневность (1920–1922) // История: факты и символы. 2019. № 3(20). С. 22–32.

Посадков А.Л. Информационно-пропагандистская и издательская деятельность японских интервентов на востоке России (1918–1922 гг.) // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.А. Цыплаков. Новосибирск: Новосибирская Православная духовная семинария, 2019. С. 245–250.

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия. Ч. 1 // Японские исследования. 2017. № 3. С. 16–32. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00017

Саркисов К.О. Японская интервенция в Сибири. Прелюдия. Ч. 2 // Японские исследования. 2017. № 4. С. 3–18. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00025

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 511 с.

Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. 312 с.

Стельмак М.М. Восприятие Японии в общественно-политической прессе Западной Сибири (ноябрь 1918–1919 г.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 357–371.

Стрельцов Д.В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях // Ежегодник Япония. 2019. Т. 48. С. 56–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10003

Тепляков А.Г. Террор атаманов и интервентов против красных партизан Сибири и Дальнего Востока: мифы и факты // Актуальные вопросы философии, истории и юриспруденции. Новосибирск: НГУЭУ. 2016. С. 168–187.

Тимонина И.Л. Диссертации по японоведению в России, защищенные за 20 лет (1995–2014) // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 364–385.

Хабаровск: повседневность Гражданской войны и интервенции. 1918–1922. Каталог выставки. Авторы-составители: А.С. Колесников, Е.В. Гончарова. Хабаровск: Двоичный кот, 2019. 120 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Шаламов В.А. Японская интервенция в Забайкалье (1919–1920): медицинский аспект // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2017. С. 288–296.

Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1974. 188 с.

Якимов А.Т. Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920–1922). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 120 с.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / подготовил к печати И. Минц. М.: [б. и.], 1934. 236 с.

REFERENCES

Boltaevskij, A.A. (2019). Gazeta «Vladivostok-Nippo» kak istoricheskiy istochnik o Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoy voyny [The Newspaper "Vladivostok-Nippo" as a Historical Source about the Far East Region during the Civil War], in *Rossiya v vojnah i lokal'nyh voennykh konfliktakh НКН – nachala НКНН V.: k 30-letiyu vyvoda Ogranichennogo kontingenta sovetskih vojsk iz Afganistana: Sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konferencii*, ed. by D.P. Samorodov, Sterlitamak: Sterlitamakskij filial BashGU: 111–116. (In Russian).

Buryat-Mongoliya v bor'be za Sovety (Sbornik vospominaniy i dokumentov) [Buryat-Mongolia in the Struggle for the Soviets (Collection of Memoirs and Documents)] (1933). Irkutsk: Vost-Sib. kraevoe otdelenie Partizdata, 1933. (In Russian).

Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. Т. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1918-1920 gg. [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914-1920. Documents and materials. Vol. 2. Czechoslovak legions and the Civil war in Russia. 1918-1920] (2018). Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoy voyny [The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War] (2003). Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

Ezhelya U.V., Tsipkin Yu.N. (2019). Zheleznye dorogi Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1922) [The Railways of Siberia and the Far East during the Civil War (1918-1922)], in *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke*, Is. 4, Aktual'nyye problemy psikhologii cheloveka v tsifrovom prostranstve: 152-158. (In Russian).

Gallyamova, L.I. (2018). Dal'niy Vostok Rossii nakanune Grazhdanskoy voyny i voennoy interventsii (konets 1917 – sentyabr' 1918 g.) [The Russian Far East on the Eve of the Civil War and Military Intervention (End of 1917 – September 1918)], in *Grazhdanskaya vojna i interventsia na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 3–15. (In Russian).

Gallyamova, L.I. (2019). Rossijskiy Dal'niy Vostok v preddverii Grazhdanskoy voyny i inostrannoy voennoy interventsii (konets 1917 – sentyabr' 1918 g.) [The Russian Far East on the Eve of the Civil War and Foreign Military Intervention (End of 1917 - September 1918)], in

Rossiya v epokhu revolyucij i reform: problemy istorii istoriografii, Vol. 7, Saint Petersburg: 211–229. (In Russian).

Gel'man, V.A. (2017). Yaponskaya interventsija v Zabajkalye [The Japanese Intervention in the Transbaikalia], in *Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyucionnykh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoj interventsii): materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: VSGUTU: 103–110. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF). (In Russian).

Gubel'man, M.I. (1955). Bor'ba za sovetskiy Dal'nij Vostok [The Fight for the Soviet Far East], Moscow: Voenizdat. (In Russian).

Istoriya Grazhdanskoj vojny v SSSR. T. 5. Konets inostrannoj voennoj interventsii i Grazhdanskoj vojny v SSSR. Likvidatsiya poslednikh ochagov kontrrevolyutsii (fevral' 1920 g. – oktyabr' 1922 g.) [The History of the Civil War in the USSR. Vol. 5. The End of the Foreign Military Intervention and the Civil War in the USSR. Elimination of the Last Centers of the Counter-Revolution (February 1920 – October 1922)] (1960). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Katasonova, E.L. (2015). Issledovaniya v oblasti istorii rossiysko-yaponskikh otnoshenij [The Research in the History of Russo-Japanese Relations], in *Sovremennoe rossiyskoe yaponovedeniye: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka*, ed. by D.V. Streltsov, Moscow: AIRO-XXI: 285-303. (In Russian).

Khabarovsk: povsednevnost' Grazhdanskoj vojny i interventsii. 1918-1922 [Khabarovsk: the Everyday Life of the Civil War and Intervention. 1918-1922] (2019). Exhibition catalogue, by A.S. Kolesnikov, E.V. Goncharova, Khabarovsk: Dvoichnyy kot. (In Russian).

Kondratenko, B.B. (2018). Kharakter yaponskoj voennoj interventsii na Dal'nem Vostoke, 1918-1922 gg. [The Nature of the Japanese Military Intervention in the Far East, 1918-1922], in *Grazhdanskaya vojna i interventsija na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 35-38. (In Russian).

Konev, K.A. (2013). Obraz amerikanskoy i yaponskoj interventsii v periodicheskoj pechati Sibiri i Dal'nego vostoka (avgust 1918 – aprel' 1920 g.) [The Image of the American and Japanese Intervention in the Periodical Press of Siberia and the Far East (August 1918 – April 1920)], in *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: Sbornik materialov tret'ey Vserossiyskoj molodezhnoy nauchnoj konferentsii*, Novosibirsk: 217-225. (In Russian).

Koshkin, A. (2009). Ot soyuza do interventsii. Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v nachale XX veka [From Alliance to Intervention. The Russo-Japanese Relations in the Beginning of the 20th Century], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1: 140-155. (In Russian).

Krasitskiy, O.G., Fedirko O.P. (2017). K sobytiyam 4–5 aprelya 1920 g. v Primorskoj oblasti, in *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Is. 7, Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU: 84-89. (In Russian).

Krushanov, A.I. (1984). Grazhdanskaya vojna v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918-1920). Razgrom ob'yedinennykh vooruzhennykh sil imperialisticheskikh derzhav i rossiyskoj kontrrevolyutsii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [The Civil War in Siberia and the Far East (1918-1920). The Defeat of the Allied Armed Forces of the Imperialist Powers and the Russian Counter-Revolution in Siberia and the Far East], Book 2, Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo. (In Russian).

Kryukov, V.M., Kryukov, M.V. (2015). Vesna i osen' revolyucionnoy diplomatii: Pervoye desyatiletie sovetskoy politiki v Kitae [Spring and Autumn of the Revolutionary Diplomacy: The

First Decade of Soviet Policy in China], Vol. 1.: 1917-1922, Moscow: Pamyatnik istoricheskoy mysli. (In Russian).

Kubrikova, Yu.A. (2017). K voprosu ob informatsionnoy voyne v khode inostrannoy interventsii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoj vojny [On the Question of the Information War during Foreign Intervention in Siberia and the Far East during the Civil War], in *Sibir' v gody Velikoj Rossijskoj revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoy interventsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU. (In Russian).

Kuz'min, V.L., Nechitajlov, S.M. (2016). Sotsialisty-revoljucionery v period Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke (1917-1922) [The Socialist Revolutionaries during the Civil War in the Far East (1917-1922)], Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS. (In Russian).

Livshits, S.G. (1991). Politika Yaponii v Sibiri v 1918-1920 gg. [The Japanese Policy in Siberia in 1918-1920], Barnaul: Barnaul.gos.ped.in-t. (In Russian).

Maklyukov, A.V. (2018). Suchanskiye gosudarstvennye kopi v usloviyakh Grazhdanskoj vojny i interventsii (1918-1922 gg.) [The Suchan State Mines in the Conditions of the Civil War and Intervention (1918-1922)], in *Grazhdanskaya vojna i interventsija na Dal'nem Vostoke Rossii: prichiny, osobennosti, uchastniki. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik materialov*, Vladivostok: 119-125. (In Russian).

Minaeva, V.Yu. (2017). Deystviya yaponskikh voysk na territorii Zabaykal'ya v gody grazhdanskoj vojny (po materialam periodicheskoy pechati) [The Actions of Japanese Troops in the Territory of Transbaikalia during the Civil War (based on the periodical press)], in *Sibir' v gody Velikoj Rossijskoj revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytij v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoy interventsii): materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU: 128-131. (In Russian).

Minaeva, V.Yu. (2017). Prebyvanie yaponskikh voysk na territorii Zabaykal'ya v gody Grazhdanskoj vojny (po materialam GARB i GAZK) [The Stay of Japanese Troops in the Territory of Transbaikalia during the Civil War (based on Buryatia State Archive and Transbaikalia State Archive)], *Gumanitarnyy vector*, 12(4): 14–18. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2006). Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat. Zheleznodorozhnyy uzel rossijsko-yaponskikh otnoshenij (1891-1945): istoricheskoe issledovanie [Russia and Japan: the Rails are Buzzing. The Railway Junction of the Russo-Japanese Relations (1891-1945): Historical Research], Moscow: AST, Astrel', Hranitel'. (In Russian).

Myshov, N.A. (2008). «Oni... predstavlyayutsya naseleniyu v roli zavoevateley». Otchet belogvardejskogo ofitsera o yaponskoj interventsii i Grazhdanskoj voyne na Dal'nem Vostoke. 1919 g. ["They ... appear as conquerors to the population." Report of the White Guard Officer on Japanese Intervention and the Civil War in the Far East. 1919], *Otechestvennyye arhivy*, 3: 73–82. (In Russian).

Naumov, V.P. (1972). Letopis' geroicheskoy bor'by. Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoj vojny i imperialisticheskoy interventsii v SSSR [The Chronicle of the Heroic Struggle. Soviet Historiography of the Civil War and Imperialist Intervention in the USSR], Moscow: «Mysl'». (In Russian).

Naumov I.V. (1991). Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke v sovetskoy istoriografii serediny 1950 – serediny 1980 gg. [The Civil War in the Far East in Soviet Historiography from the mid-1950 to the mid-1980s.], Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta. (In Russian).

Pastukhov, A.M. (2017). Kanonerki, zoloto, khunkhuzy: otryad VMF Kitaya v Nikolaevskom intsidente (1920) [The Gunboats, gold, the hunhuza: the detachment of the Navy of China in the Nikolayevsk incident (1920)], *Arsenal-Kollektsiya*, 9: 37-56. (In Russian).

Pastukhov, A.M. (2017). Kuda ushel vash kitaychonok Lin'? Kitayskaya interventsia v Primor'ye i Priamur'ye, 1918–1921 gody [Where did your little Chinese Lin go? The Chinese intervention in Primorye and the Amur Region, 1918-1921], *Arsenal-Kollektsiya*, 2: 15-32. (In Russian).

Petin D. (2016). O voennykh den'gakh Sibirskoy ekspeditsii Yaponskikh voysk [On Military Money of the Siberian Expedition of Japanese Troops], *Peterburgskiy Kollektioner*, 2(94): 6–9. (In Russian).

Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918): Dokumenty i materialy [The Preparation and the beginning of the intervention in the Russian Far East (October 1917 – October 1918): Documents and materials] (1997). Vladivostok: DVO RAN. (In Russian).

Popov, F.A. (2019). Obraz yaponskoy interventsii v russkoy dal'nevostochnoy presse: politika i povsednevnost' (1920-1922) [The Image of the Japanese Intervention in the Russian Far Eastern Press: Politics and Everyday Life (1920-1922)], *Istoriya: fakty i simvoly*, 3(20): 22–32. (In Russian).

Posadskov, A.L. (2019). Informatsionno-propagandistskaya i izdatel'skaya deyatel'nost' yaponskikh interventov na vostoke Rossii (1918–1922 gg.) [The Advocacy and Publishing Activities of Japanese Invaders in the East of Russia (1918–1922)], in *Grazhdanskaya voyna: mnogovektornyy poisk grazhdanskogo mira: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, ed by D.A. Tsyplakov, Novosibirsk: Novosibirskaya Pravoslavnaya dukhovnaya seminariya: 245–250. (In Russian).

Poznyak, T.Z. (2019). Vystupeniye yaponskikh interventov vo Vladivostoke 4–6 aprelya 1920 g.: nasilie i strategii povedeniya naseleniya v hode vooruzhennogo konflikta [The Speech by Japanese Interventionists in Vladivostok on April 4–6, 1920: Violence and the Population Behavior Strategies during the Armed Conflict], *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 2: 15–26. (In Russian).

Sakharov, K.V. (2018). Belaya Sibir'. Vnutrennyaya voyna 1918-1920 gg. [White Siberia. The Internal War of 1918-1920], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2017). Yaponskaya interventsia v Sibiri. Preludiya. Ch. 1 [The Japanese Intervention in Siberia. Prelude. Part 1], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3: 16–32. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2017). Yaponskaya interventsia v Sibiri. Preludiya. Ch. 2 [The Japanese Intervention in Siberia. Prelude. Part 2], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4: 3–18. (In Russian).

Sarkisov, K.O. (2019). Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917–1937) [Japan and Soviet Russia. The Essays on History (1917–1937)], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Shalamov, V.A. (2017). Yaponskaya interventsia v Zabaykal'e (1919-1920): meditsinskiy aspekt [The Japanese Intervention in Transbaikalia (1919-1920): the Medical Aspect], in *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*, Irkutsk: 288–296. (In Russian).

Shereshevskiy, B.M. (1974). V bitvakh za Dal'niy Vostok (1920-1922 gg.) [In the Battles for the Far East (1920-1922)], Novosibirsk: «Nauka» Sibirskoe otdelenie. (In Russian).

Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu Grazhdanskoj vojny i inostrannoj interventsii): materialy vseros. nauch.-pratk. konf. s mezhdunar. Uchastiem [Siberia during the Years of the Great Russian Revolution (on the 100th Anniversary of Revolutionary Events in Russia and the Period of the Civil War and Foreign Intervention): The Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. (2017). Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU. (In Russian).

Stel'mak, M.M. (2019). Vospriyatie Yaponii v obshchestvenno-politicheskoy presse Zapadnoy Sibiri (noyabr' 1918-1919 g.) [The Perception of Japan in the Socio-Political Press of Western Siberia (November 1918-1919)], *Noveyshaya istoriya Rossii*, 9(2): 357–371. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2019). Voprosy istoricheskoy pamyati v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [The Issues of Historical Memory in Russo-Japanese relations], *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, 48: 56–76. (In Russian).

Tepliyakov, A.G. (2016). Terror atamanov i interventov protiv krasnykh partizan Sibiri i Dal'nego Vostoka: mify i fakty [The Terror of Atamans and Interventionists against the Red Partisans of Siberia and the Far East: Myths and Facts], *Aktual'nye voprosy filosofii, istorii i yurisprudentsii*, Novosibirsk: NGUEU: 168–187. (In Russian).

Timonina, I.L. (2015). Dissertatsii po yaponovedeniyu v Rossii, zashchishchennyye za 20 let (1995–2014) [The Theses on Japanese studies in Russia Defended during the 20 years (1995-2014)], in *Sovremennoye rossiyskoye yaponovedeniye: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka*, ed. by D.V. Streltsov, Moscow: AIRO-XXI: 364–385. (In Russian).

Tsvetkov, V.Zh. (2019). Beloe delo v Rossii: 1920-1922 gg. 2-e izd, ispr. i dopoln [The White Movement in Russia: 1920-1922. 2nd edition, updated and revised], Moscow: Yauza-Katalog, 2019. (In Russian).

Vostochnyy Kur'yer [The Oriental Courier]. (In Russian).

Yakimov, A.T. (1979). Dal'niy Vostok v ogne bor'by s interventami i belogvardeytsami (1920-1922) [The Far East in the Fire of Struggle against the Interventionists and the White Guards (1920-1922)], Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian).

Yaponskaya interventsiya 1918-1922 gg. v dokumentakh [The Japanese Intervention of 1918-1922 in documents] (1934). Prepared by I. Mints, Moscow. (In Russian).

Zheleznodorozhnik Kooperator [The Railwayman Cooperator]. (In Russian).

Zhukov, E.M. (1939). Istoriya Yaponii. Kratkiy ocherk [The History of Japan. Short Essay], Moscow: Gos. sots-ek. izd-vo, 1939. (In Russian).

Поступила в редакцию 06.05.2020

Received 6 May 2020

Для цитирования: Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

For citation: Datsyshen V.G. (2020). Yaponskaya voyennaya interventsiya v trudakh sovremennykh rossiyskikh istorikov: inertsii fobiy i nauchnoye poznaniye [Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 21–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018